

Подростковая агрессия в социальных сетях: восприятие и личный опыт

Собкин В.С.*,

ФГБНУ «ИУО РАО», Москва, Россия,
sobkin@mail.ru

Федотова А.В.**,

ФГБНУ «ИУО РАО», Москва, Россия,
alexandrafedotova@rambler.ru

Представлен анализ проблемы отношения подростков к проявлениям агрессии в социальных сетях. Авторы исследуют связь отношения к агрессии в сети с социально-демографическими и поведенческими характеристиками респондентов. В основе статьи лежат материалы социологического опроса, проведенного сотрудниками ЦСО ИУО РАО с помощью специально разработанной анкеты. Были опрошены 2074 учащихся 5, 7, 9 и 11 классов школ Московской области. Установлено, что с возрастом от 7 к 9 классу уменьшается доля тех, кому «не нравится» видеть сцены агрессии. Активным пользователям чаще «нравится» наблюдать такие сцены. Подростки, относящие свой профиль к «провокационным», «откровенным» или «неординарным», также чаще получают удовольствие от просмотра сцен насилия, чем владельцы «обычных» страниц. Показано, что подростки, выступавшие в роли «агрессоров» или «жертв», более склонны к принятию агрессии, чем «свидетели» (все указанные различия значимы на уровне $p \leq 0,05$). Материалы исследования свидетельствуют о своеобразии мужской и женской субкультуры в социальных сетях; пространство сетевого общения оказывается особой зоной, где разворачиваются процессы, связанные с борьбой за социальный статус. Приведенные данные позволяют выделить ключевые факторы, определяющие отношение подростков к проявлениям агрессии в сетевом общении: пол, возраст, интенсивность общения, самопрезентация в сети, статус в классе, оценка своих жизненных перспектив.

Ключевые слова: социальные сети, подростковый возраст, риски, агрессия, кибербуллинг, социальный статус, гендерная специфика, активность пользования социальными сетями, интенсивность пользования социальными сетями, самопрезентация в сети.

Для цитаты:

Собкин В.С., Федотова А.В. Подростковая агрессия в социальных сетях: восприятие и личный опыт // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24. № 2. С. 5—18. doi: 10.17759/pse.2019240201

* Собкин Владимир Самуилович, доктор психологических наук, профессор, академик РАО, руководитель, Центр социологии образования ФГБНУ «ИУО РАО», Москва, Россия. E-mail: sobkin@mail.ru

** Федотова Александра Владимировна, научный сотрудник, Центр социологии образования ФГБНУ «ИУО РАО», Москва, Россия. E-mail: alexandrafedotova@rambler.ru

Подростковый период является крайне важным для развития самосознания, становления идентичности и жизненного самоопределения [2; 5; 23; 24]. В силу особой ценностной значимости общения со сверстниками в этом возрасте снижается влияние традиционных институтов социализации. Причем если в 90-е годы XX столетия специально отмечалось, что их место занимают различные молодежные неформальные группы со своими субкультурными особенностями [12; 18; 22], то в последнее время в качестве важнейшего института социализации выступает интернет и, в частности, социальные сети. Сегодня здесь актуализируются процессы, характеризующие саму суть подросткового возраста: поиск идентичности, освоение культурных норм и ценностей, личностное самоопределение и построение жизненных планов [1; 7; 9; 13; 14; 20].

Пространство социальных сетей для подростка одновременно связывается с автономностью от взрослых и с ощущением возможности проявления собственной активности и свободы в выборе содержания и форм общения. Вместе с тем именно эти особенности социальных сетей дают основание говорить о них как о территории рисков [4; 8; 10; 19; 21]. В связи с этим изучение проявлений агрессии в социальных сетях и восприятия ее подростками представляется крайне важным и актуальным.

При обсуждении данной темы необходимо подчеркнуть, что речь здесь может идти о двух принципиально различных явлениях. В первом случае это демонстрация агрессии и размещение в социальных сетях разнообразного содержания, носящего агрессивный характер. Во втором — это агрессивное поведение пользователей социальных сетей, направленное непосредственно на других участников сетевого взаимодействия (угрозы, оскорбления, домогательства и др.). Особое место здесь занимает кибербуллинг [3; 6; 11; 25; 26; 27; 28; 31; 32].

Кибербуллинг — весьма распространенное, но все же не повседневное явление для большинства пользователей социальных сетей. Агрессивное поведение представлено здесь значительно шире; причем гораздо

чаще встречаются не целенаправленные длительные действия, а спонтанные ситуативные агрессивные высказывания. Подобная спонтанная агрессия встречается в сетях повсеместно. Появляются и особые стилевые типы сетевой агрессии, такие как, например, «троллинг» (социальная провокация, издевательство, эпатаж) или «хейтерство» (ненавистничество, склочничество). Все это создает особый агрессивный фон сетевого общения.

Данное исследование продолжает цикл работ, направленных на изучение особенностей информационной среды учащихся общеобразовательных школ, начатых нами еще в начале двухтысячных годов [13; 29; 30]. В предыдущих публикациях, посвященных проблеме «подросток в социальных сетях», уже были затронуты вопросы, касающиеся мотивации обращения школьников к социальным сетям; содержания их общения в сети; оценки рисков и последствий использования социальных сетей; влияния сетевого общения на образование; особенностей самопрезентации в сети и социально-психологического самочувствия [14; 15; 16; 17]. В данной работе мы сфокусируем свое внимание непосредственно на вопросах, связанных с отношением подростков к проявлениям агрессии в социальных сетях.

Программа исследования

Исследование было проведено среди школьников Московской области сотрудниками Центра социологии образования ИУО РАО в 2016 году. В рамках программы исследования был разработан специальный инструментарий — анкета, состоящая из 75 вопросов, отражающих различные аспекты использования социальных сетей: мотивация, активность пользования, самопрезентация в сети и др. В организованном на основе разработанной анкеты анонимном электронном опросе приняли участие 2074 учащихся 5, 7, 9 и 11 классов (среди них 1008 мальчиков и 1066 девочек). Полученные материалы были обработаны с помощью программ MS Excel, Statistica, SPSS с учетом статистически значимых различий. В статье использованы данные ответов на вопросы о возможных рисках

подвергнуться агрессии, об отношении к проявлениям агрессии и о личном участии подростка в ситуациях сетевой агрессии.

Исследование направлено на определение значимости гендерных, возрастных и поведенческих факторов в оценке подростками агрессивных проявлений в ситуациях сетевого взаимодействия. При этом в качестве основных гипотез предполагалось, что:

1. При оценке подростками угроз сетевого взаимодействия проявляется влияние гендерных и возрастных факторов.

2. На отношение к агрессивным проявлениям в сети оказывают существенное влияние поведенческие характеристики общения (самопрезентация, активность и интенсивность пользования сетью).

3. Агрессивные проявления в сети обусловлены реальным жизненным контекстом подростка (социальный статус в коллективе, оценка жизненных перспектив).

Результаты исследования

Полученные материалы сгруппированы в три содержательных раздела. В первом охарактеризованы представления подростков об агрессивности пространства социальных сетей. Во втором разделе рассмотрены особенности позитивного/негативного отношения подростков к демонстрации сцен агрессии и насилия в социальных сетях. Третий раздел посвящен анализу личного опыта участия подростка в агрессивных ситуациях в раз-

личных ролевых позициях: агрессора, жертвы или свидетеля.

1. Представления подростков об агрессивном поведении в социальных сетях

Для определения распространенности различных видов проявления агрессии респондентам предлагался вопрос об угрозах, с которыми, на их взгляд, они могут столкнуться в социальных сетях.

Приведенные в табл. 1 данные показывают, что наибольшую угрозу, по мнению подростков, представляет возможность столкнуться с мошенничеством. Помимо мошенничества весьма значительное число подростков указывают на «навязчивую рекламу», что также можно рассматривать как угрозу, связанную с использованием социальных техник манипуляции поведением.

Другие варианты ответов связаны с агрессией, касающейся непосредственного воздействия на личность участника сетевого общения: оскорбления, шантаж, сексуальные домогательства, оглашение личной информации, зависимость, преследования в реальной жизни со стороны виртуальных знакомых. Как видно из таблицы, они отмечаются достаточно часто, что позволяет сделать вывод о восприятии подростком пространства социального взаимодействия в сети как весьма опасного. В целом, возникает парадоксальная ситуация: с одной стороны, у подростков

Таблица 1

Ответы учащихся на вопрос о возможных рисках общения в социальных сетях (%)

	среднее	мальчики	девочки	p≤
Мошенничество	74,5	74,7	74,3	
Оскорбления и давление со стороны других пользователей	45,8	43,1	48,3	.03
Шантаж	42,5	46,1	39,0	.001
Навязчивая реклама	41,3	42,7	40,1	
Сексуальные домогательства	36,4	29,8	42,7	.00001
Оглашение личной информации	33,3	29,8	36,7	.001
Зависимость	29,9	27,3	32,4	.02
Преследование в реальной жизни со стороны виртуальных собеседников	17,9	15,1	20,5	.0005
Опасность социальных сетей надуманна и преувеличивается взрослыми	10,8	11,8	9,8	

существует явная потребность в сетевом общении (по нашим данным, более 90% современных подростков с разной степенью интенсивности общаются в социальных сетях [14; 15]), а с другой — они воспринимают сеть как среду, где с высокой степенью вероятности можно столкнуться с угрозами, касающимися их экономической, социальной и личной безопасности.

Из таблицы видно, что девочки по сравнению с мальчиками в целом более обеспокоены вопросами собственной личной безопасности при общении в сети. Так, они гораздо чаще фиксируют возможные угрозы, связанные с «оскорблениями», «сексуальными домогательствами», «оглашением личной информации» и «возможностью преследования в реальной жизни со стороны виртуальных собеседников».

На отношение подростков к возможности подвергнуться различным видам агрессии в социальных сетях влияют и другие факторы. Продемонстрируем это на примере «сексуальных домогательств» (рис. 1).

Приведенные на рис. 1 данные позволяют выделить три момента. Во-первых, ожидание проявлений сексуальных домогательств чаще отмечают те подростки, которые стремятся привлечь внимание посторонних к своей странице. Их поведение можно охарактеризовать

как амбивалентное: с одной стороны, ими движет желание подчеркнуть свою привлекательность, вызвать к себе интерес, с другой — страх перед чрезмерным интересом к себе, что может привести к сексуальной агрессии.

Во-вторых, подростки, занимающие лидерскую позицию в своем классе, заметно чаще отмечают значимость сексуальных домогательств. В свою очередь, это позволяет сделать вывод о том, что лидерская позиция в подростковом коллективе оказывается во многом связана с сексуальной привлекательностью.

И наконец, в-третьих, на значимость фиксации подобной угрозы оказывают явное влияние активность и интенсивность пользования социальной сетью. Иными словами, активное присутствие подростка в социальной сети повышает угрозу стать жертвой сексуальных домогательств.

2. Отношение подростков к демонстрации сцен агрессии в социальных сетях

В данном разделе будут рассмотрены два сюжета. Первый из них касается позитивного либо негативного отношения подростков к сценам насилия в социальных сетях; второй связан с особенностями идентификации с участниками ситуаций агрессии (агрессором или жертвой).

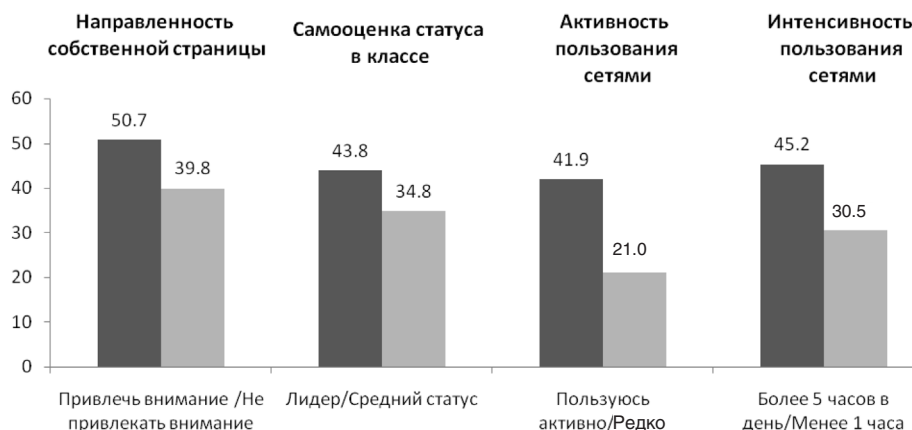

Рис. 1. Влияние различных факторов на оценку возможности подвергнуться «сексуальным домогательствам» в социальной сети (%); $p \leq .05$

Ответы подростков на вопрос о том, как они относятся к публикуемым в социальных сетях сценам насилия, показывают, что большинству подростков (66,1%) «не нравится» видеть сцены насилия в социальных сетях. Четверть опрошенных (25,4%) отмечают, что относятся к подобным сценам «равнодушно». Позитивное же отношение проявляет почти каждый десятый: 6,3% указывают, что им «нравится» смотреть такие сцены, и 2,3% «специально выбирают» страницы, на которых демонстрируются сцены насилия.

Традиционно в мужской и женской субкультурах принято демонстрировать различное отношение к насилию. В связи с этим вполне ожидаемым результатом является то, что девочки значительно чаще воспринимают сцены насилия негативно (76,4% по сравнению с 55,2% среди мальчиков; $p \leq .00001$). Мальчики же чаще отмечают, что подобные сцены им либо «нравятся» (соответственно 8,9% и 3,8%; $p \leq .00001$), либо они их «специально выбирают» (соответственно 3,1% и 1,5%; $p \leq .001$), или остаются к ним «равнодушны» (соответственно 32,8% и 18,3%; $p \leq .00001$). Таким образом, контент социальных сетей у мальчиков и девочек имеет заметные различия с точки зрения отношения к проявлениям агрессивности.

Что касается возрастной динамики, то наиболее заметные сдвиги в отношении подростков к демонстрации сцен насилия в социальных сетях происходят после 7 класса (рис. 2).

Из рисунка видно, что при окончании основной школы (от 7 к 9 классу) резко уменьшается доля тех, кому «не нравится» наблюдать сцены насилия, и возрастает число равнодушных ($p \leq .001$). В то же время количество школьников, проявляющих однозначно положительное отношение к сценам насилия («нравится» и «специально выбираю»), на протяжении всего подросткового возраста изменяется лишь незначительно.

Помимо гендерных и возрастных особенностей интерес представляет рассмотрение отношения к сценам агрессии и насилия в сети в зависимости от поведенческих характеристик (активность и интенсивность пользования сетью, самопрезентация в сети) и социально-психологических факторов (статус в классе, эмоциональная оценка жизненных перспектив).

Полученные данные показывают, что подростки, считающие себя активными пользователями социальных сетей, более лояльны к демонстрации насилия и агрессии в социальных сетях. Они чаще выбирают варианты ответа

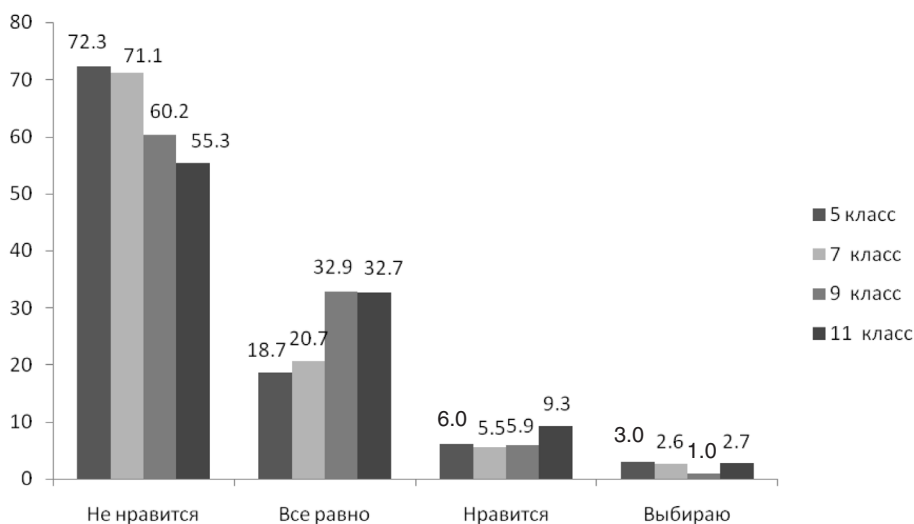

Рис. 2. Возрастная динамика отношения подростков к сценам насилия в социальных сетях (%)

«нравится» (9,8% по сравнению с 2,2% среди тех, кто пользуется сетями от случая к случаю; $p \leq .00001$) и «мне все равно» (соответственно 29,2% по сравнению с 20,4%; $p \leq .005$); и реже — «не нравится» (соответственно 58,4% и 74,4%; $p \leq .05$). Аналогично проявляется и зависимость от времени, которое подростки ежедневно проводят в социальных сетях. Таким образом, при интенсивной погруженности в социальные сети подростки не только адаптируются, «привыкают» к сценам агрессии, но у заметной части из них развивается именно позитивное отношение к демонстрируемым там проявлениям агрессивности.

Зависит отношение подростков к проявлениям агрессии и от характера самопрезентации в сети. Так, среди учащихся, считающих свой профиль в сети «провокационным», «откровенным» или «неординарным», заметно выше доля тех, кому «нравится» видеть сцены насилия в социальных сетях, по сравнению с теми, кто считает свой профиль «обычным» (соответственно 26,1%, 20,4%, 15,5% и 4,2%; $p \leq .00001$). Таким образом, желание привлечь к себе внимание, быть откровенным и неординарным в социальной сети для многих подростков зачастую связано и с выражением одобрения к проявлениям насилия и агрессии в социальной сети.

Анализ, связанный с позицией подростка в школьном коллективе, показал, что среди тех подростков, кто занимает в классе как позиции «лидеров», так и «отверженных» («чувствуют себя одиноко»), выше доля позитивно воспринимающих сцены насилия в социальных сетях. Лидеры и одиночки чаще указывают, что им «нравится» видеть подобные сцены (соответственно 12,4% и 14,3% по сравнению с 5,7% среди тех, у кого средний статус в группе; $p \leq .01$). Они также чаще указывают, что «специально выбирают» именно те страницы, на которых демонстрируются сцены насилия (соответственно 4,6% и 6,7% по сравнению с 1,4% среди учащихся со средним статусом; $p \leq .03$). Отсюда можно сделать вывод о том, что сам выход подростка в пространство сетевого общения связан и со стремлением разрешить здесь с помощью агрессии проблемы, связанные с собственным социальным положением в коллективе класса.

И наконец, среди подростков, пессимистично воспринимающих собственное будущее, выше доля тех, кому «нравится» видеть агрессивные сцены (13,0% по сравнению с 6,0% среди «оптимистов»; $p \leq .02$); они также чаще «специально выбирают» подобные сцены (соответственно 9,1% и 1,6%; $p \leq .0001$). В связи с этим можно предположить, что восприятие подростком собственного будущего в негативном ключе является одним из факторов, способствующих формированию у него положительного отношения к агрессии и насилию. Иными словами, агрессия в сети выполняет компенсаторную функцию в связи с общей негативной оценкой успешности своих жизненных перспектив.

Как мы отметили выше, второй содержательный сюжет данного раздела связан с характеристикой эмоциональной включенности подростка в демонстрируемые сцены насилия в социальных сетях. В ходе опроса респондентам предлагалось указать, с кем именно из участников конфликтной ситуации они обычно отождествляют себя при просмотре сцен агрессии. Результаты опроса показали, что при просмотре сцен насилия подавляющее большинство подростков (85,9%), как правило, ни с кем себя не отождествляют. Отождествляют себя с «агрессором» 7,1%, и такое же количество (7,0%) — с «жертвой». Таким образом, у подавляющего большинства подростков эмоциональная идентификация с участниками сцен насилия в сети отсутствует.

Вместе с тем отметим ряд содержательных тенденций. Так, подростки, относящие себя к «лидерам» и «одиночкам», более эмоционально включаются в ситуацию сетевой агрессии: они чаще видят себя в роли «агрессоров» (11,1% и 15,2% по сравнению с 6,0% среди учащихся со средним статусом; $p \leq .03$) и «жертв» (11,8% среди лидеров и 6,8% среди учащихся со средним статусом; $p \leq .04$). Это позволяет сделать вывод о том, что агрессия в сетевом общении часто является продолжением реальных конфликтов в коллективе класса, связанных с социально-ролевым статусом в группе. Причем угрозе здесь подвергаются не только «одиночки», но и «лидеры». Иными словами, здесь реализуется борьба за высокие статусные позиции в группе.

Учащиеся, негативно оценивающие успешность своих жизненных перспектив («пессимисты»), по сравнению с «оптимистами», значительно чаще проявляют эмоциональную включенность в сцены сетевой агрессии, ставя себя либо на место «агрессора» (15,6% по сравнению с 6,3% среди «оптимистов»; $p \leq .001$), либо «жертвы» (соответственно 16,9% и 6,1%; $p \leq .0002$). Это можно рассматривать как один из наиболее важных результатов, свидетельствующих о том, что сеть оказывается важной для подростка социальной средой, где он пытается разрешить свои реальные жизненные проблемы.

Оказывают влияние и поведенческие факторы: интенсивность общения и самопрезентация. Так, подростки, уделяющие социальным сетям более 5 часов в день, по сравнению с теми, кто проводит в сетях гораздо меньше времени (до 1 часа), чаще ассоциируют себя как с агрессором (соответственно 10,7% и 6,5%; $p \leq .05$), так и с жертвой (соответственно 10,4% и 6,4%; $p \leq .04$). Иными словами, интенсивность участия в сетевом общении увеличивает вероятность столкновения с разнообразными агрессивными проявлениями, что, в свою очередь, ведет к актуализации идентификационных механизмов либо с агрессором, либо с жертвой.

Среди подростков, стремящихся привлечь к своей странице внимание незнакомцев, вы-

ше доля тех, кто отождествляет себя с агрессором (12,6%). Школьники, считающие свою страницу в социальных сетях «провокационной» или «откровенной», значительно чаще по сравнению с остальными идентифицируют себя как с агрессором (соответственно 31,5% и 14,6%), так и с жертвой агрессии (соответственно 15,2% и 19,4%). Таким образом, сама установка подростка на активное участие в сетевом общении («привлечение к себе внимания») в существенной степени предполагает включенность в ситуации агрессивного взаимодействия.

Наряду с анализом особенностей идентификации с участниками агрессивных ситуаций в социальной сети («агрессором» или «жертвой») особый интерес представляет анализ готовности испытывать сочувствие («жалость») к жертвам демонстрируемых в сети сцен насилия. Полученные результаты показывают, что в целом большая часть подростков склонны «всегда сочувствовать жертвам насилия» — 59,2%. Сопереживают, только когда «дело касается их знакомых» — 19,4%. Вместе с тем каждый пятый (21,4%) указал, что «никогда не испытывает жалости к жертвам» в сценах агрессии в сети.

На проявление сочувствия к жертве оказывает явное влияние интенсивность участия подростка в сетевом общении (рис. 3).

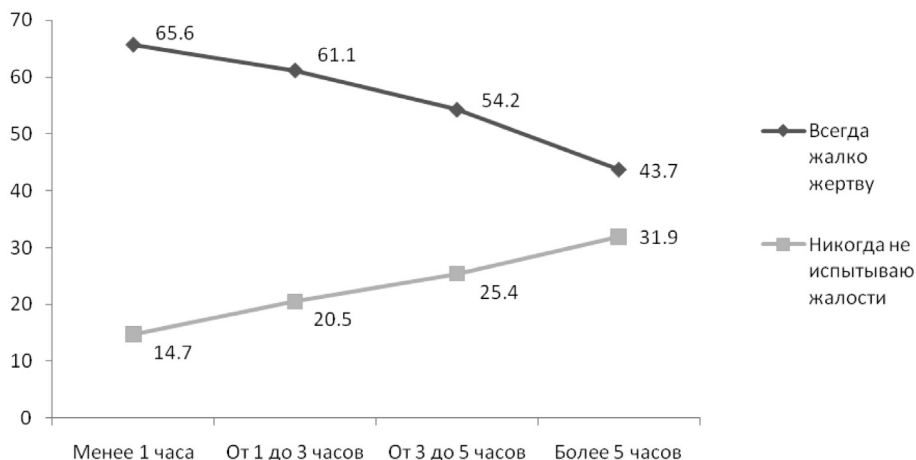

Рис. 3. Сочувствие жертвам насилия в зависимости от интенсивности ежедневного пользования социальными сетями (%)

Из приведенных на рисунке данных отчетливо видно, что по мере увеличения интенсивности сетевого общения явно снижается доля подростков, сочувствующих жертве агрессии. В связи с этим можно сделать вывод о том, что следствием активного включения в сетевое общение является своеобразное привыкание («толстокожесть») к актам агрессии в сети.

3. Личный опыт столкновения подростков с агрессией в социальных сетях

Затрагивая вопрос о личном опыте непосредственного столкновения подростков с ситуациями агрессии в социальных сетях, отметим, что «агрессию со стороны других пользователей» приходилось переживать практически каждому третьему (31,1%). Пятая часть (21,1%) указали, что они «были свидетелями агрессии в отношении других пользователей». Признали, что «сами выступали в роли агрессора в отношении других пользователей» 6,0% опрошенных. И наконец, чуть более трети подростков (36,1%) отметили, что они «никогда не сталкивались с агрессией в социальных сетях».

У мальчиков виртуальное общение характеризуется большей агрессивностью: они

чаще, по сравнению с девочками, отмечают, что выступали и в роли агрессора (соответственно 7,5% и 4,5%; $p \leq .01$), и становились жертвой (соответственно 34,0% и 28,2%; $p \leq .003$). Таким образом, присущие мальчикам в реальной жизни более жесткие формы взаимодействия переносятся и в ситуацию сетевого общения.

Изучение возрастной динамики позволяет зафиксировать явный сдвиг в сторону увеличения агрессивности сетевой среды на рубеже 7 класса: доля тех, кто был свидетелем агрессии, возрастает с 13,0% у учащихся 5 классов до 21,5% в 7 классе ($p \leq .0001$). Иными словами, подростковый кризис (пубертатный период) находит свое отражение и в пространстве сетевого взаимодействия.

Полученные данные показывают, что личное участие подростка в ситуациях сетевой агрессии явно зависит от интенсивности его общения в сети (рис. 4).

Из рисунка отчетливо видно, что с увеличением интенсивности сетевого общения явно возрастает доля тех, кому приходилось становиться жертвой агрессивного поведения в сети (26,0% среди общающихся в сети менее 1 часа и 41,9% среди уделяющих общению в сети более 5 часов; $p \leq .00001$). Растет

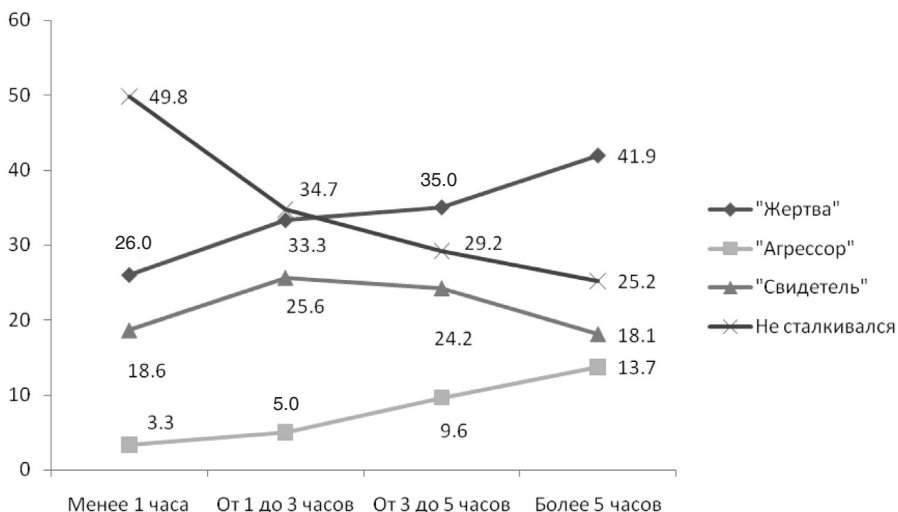

Рис. 4. Наличие у подростков опыта участия в ситуации сетевой агрессии в той или иной роли в зависимости от интенсивности ежедневного пользования социальными сетями (%)

и доля агрессоров (соответственно 3,3% и 13,7%; $p \leq .00001$).

Помимо интенсивности общения влияют и характер самопрезентации в сети. Так, подростки, которые «стремятся привлечь внимание незнакомых пользователей» к своей странице, чаще выступали в роли агрессора (11,7% по сравнению с 5,1% среди тех, чья страница отражает реальный образ; $p \leq .0002$). Наиболее же часто подвергались агрессии со стороны других пользователей те, кто считает свою страницу «интересной для незнакомцев», а реже всех — подростки, характеризующие свою страницу как «сдержанную» (39,4% и 30,8%; $p \leq .05$). Таким образом, приведенные данные показывают, что самопрезентация в интернете является важным фактором, определяющим характер включения подростка в ситуации агрессии в пространстве сетевого общения. При этом установка на индивидуализацию своего профиля (оригинальность, стремление к привлечению внимания) провоцирует повышенную агрессию со стороны пользователей сети.

И наконец, особое внимание, на наш взгляд, следует уделить различиям, связанным с социальным статусом подростка в классе. Так, если среди «лидеров» 28,1% отмечают, что им приходилось выступать в роли объектов агрессии со стороны других пользователей сети, то среди «одиночек» доля «жертв агрессии» составляет уже 41,9% ($p \leq .02$). При этом следует добавить, что у мальчиков четко проявляется взаимосвязь лидерской позиции с ролью агрессора: 20,0% по сравнению с 9,0% среди имеющих «ограниченный круг приятелей» ($p \leq .003$). Мальчикам-одиночкам также чаще доводилось выступать в роли агрессора — 15,0% (по сравнению с теми, кого «многие уважают»; $p \leq .005$), что свидетельствует о жесткости социально-статусных конфликтов среди мальчиков-подростков. В целом, полученные материалы дают основание к выводу о том, что сетевое общение подростка в существенной степени зависит от реальных социально-ролевых отношений в школьном коллективе; существующие конфликты находят свое продолжение в сетевом общении.

Особый интерес представляет и то, как изменяется отношение подростков к демонстрируемым в сети сценам насилия и агрессии в зависимости от их личного опыта участия в подобных ситуациях в роли «агрессора», «жертвы» или «свидетеля».

Полученные данные показывают, что среди подростков, выступавших в роли «агрессора», значительно выше доля тех, кто с удовольствием наблюдает сцены насилия (20,2% по сравнению с 3,4% среди «свидетелей»; $p \leq .00001$). И это вполне ожидаемо. В то же время следует отметить, что и среди тех подростков, которым приходилось быть «жертвой» агрессии в социальных сетях, этот процент также заметно выше, чем среди «свидетелей» (соответственно 9,8% и 3,4%; $p \leq .00001$). Возможно, в основе подобной реакции лежит стремление к компенсации.

И наконец, завершая статью, затронем еще один аспект, который касается проявления сочувствия к жертве. Данные опроса показывают, что подростки, которым приходилось выступать в роли агрессора, значительно реже отмечают проявление у себя сочувствия к жертве — 34,7% (61,8% — среди «жертв»; 57,9% — среди «свидетелей»; $p \leq .00001$). «Агрессоры» также чаще указывают, что никогда не испытывают сочувствия к жертве — 46,8% (18,0% — среди «жертв»; 15,3% — среди «свидетелей»; $p \leq .00001$). Таким образом, опыт собственного социально-ролевого участия подростка в ситуациях агрессии (либо в позиции «агрессора», либо «жертвы») в существенной степени определяет проявление эмоционального сочувствия к жертве в ситуациях сетевой агрессии.

Выводы

Результаты проведенного исследования позволяют сформулировать следующие основные выводы.

1. Несмотря на то, что у подростков существует явная потребность в сетевом общении, само пространство социального взаимодействия в сети воспринимается ими как среда, где с высокой степенью вероятности можно столкнуться с угрозами, затрагивающими

экономическую, социальную и личностную безопасность.

2. Отношение к агрессивным проявлениям в сети явно дифференцирует позиции мальчиков и девочек, что свидетельствует о своеобразии сложившейся мужской и женской субкультуры в социальных сетях. Это проявляется и в различиях относительно готовности к сочувствию жертвам агрессии.

3. Материалы исследования свидетельствуют о своеобразной адаптации к агрессивным проявлениям в сети по мере взросления учащихся и с увеличением активности и интенсивности пользования сетями. В то же время опасения, связанные с проявлениями сексуальной агрессии, напротив, чаще проявляются у активных пользователей социальных сетей. В этом отношении социальные сети оказываются важным индикатором повышенного интереса к сексуальной жизни в подростковом возрасте. Таким образом, потребность «расширения социальной среды» за счет выхода в социальные сети во многом обусловлена актуализацией проблематики сексуальных отношений.

4. Сетевое общение подростка в существенной степени зависит от реальных социально-ролевых отношений в школьном

коллективе; существующие конфликты находят свое продолжение в сетевом общении. При этом пространство сетевого общения оказывается возможной зоной, где разворачиваются процессы, связанные с борьбой за социальный статус, сложившийся в реальном взаимодействии с одноклассниками.

5. Исследование показало отчетливое влияние на отношение подростков к сетевой агрессии не только гендерных и возрастных факторов, но и поведенческих — таких, как самопрезентация, активность и интенсивность участия в сетевом общении. Ориентация подростка на активное участие в сетевом общении в существенной степени предполагает его включенность в ситуации агрессивного взаимодействия. При этом обнаружена зависимость между установкой на ненормативное поведение («провокация») и сниженной чувствительностью к значимости возможных агрессивных ответных реакций.

6. Определяющую роль в отношении к агрессии в сети играет личный опыт подростка. Участие в агрессивном взаимодействии в зависимости от занимаемой позиции «агрессора» или «жертвы» в существенной степени определяет проявление эмоционального сочувствия в ситуациях сетевой агрессии.

Литература

1. *Белинская Е.П.* Информационная социализация подростков: опыт пользования социальными сетями и психологическое благополучие [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 30. С. 5. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/858-belinskaya30.html> (дата обращения: 02.04.2019).
2. *Божович Л.И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008. 398 с.
3. *Бочавер А.А., Хломов К.Д.* Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 3. С. 177—191.
4. Виноваты игры и соцсети: как эксперты предлагают бороться с агрессией после трагедии в Керчи [Электронный ресурс] // Ru posters. Режим доступа: <https://ruposters.ru/news/18-10-2018/ekspertiposle-tragedii-kerchi> (дата обращения: 02.04.2019).
5. *Выготский Л.С.* Педология подростка // Л.С. Выготский. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4. Детская психология / Под ред. Д.Б. Эльконина. М.: Педагогика, 1984. С. 5—242.

6. *Ениколопов С.Н.* В ситуации кибербуллинга возрастных ограничений нет // Дети в информационном обществе. 2014. № 16. С. 36—41.
7. *Королева Д.О.* Использование социальных сетей в образовании и социализации подростка: аналитический обзор эмпирических исследований (международный опыт) // Психологическая наука и образование. 2015. Т. 20. № 1. С. 28—37.
8. *Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В., Левина Л.В.* К вопросу о влиянии Интернета на суицидальное поведение // Ученые записки СПбГИПСР. 2014. Т. 22. № 2. С. 103—107.
9. *Марцинковская Т.Д.* Информационное пространство как фактор социализации современных подростков // Мир психологии. 2010. № 3. С. 90—102.
10. *Мурсалиева Г.* Группы смерти // Новая газета. 2016. № 51. С. 2—5.
11. *Парфентьев У.* Кибер—агрессоры // Дети в информационном обществе. 2009. № 2. С. 66—67.
12. Проблемы толерантности в подростковой субкультуре // Труды по социологии образования.

- Т. 8. Вып. 13 / Под ред. В.С. Собкина. М.: Центр социологии образования РАО, 2003. 391 с.
13. *Собкин В.С., Евстигнеева Ю.М.* Подросток: виртуальность и социальная реальность: По материалам социологического исследования // Труды по социологии образования. Т. 6. Вып. 10 / Под ред. В.С. Собкина. М.: Центр социологии образования РАО, 2001. 156 с.
14. *Собкин В.С.* Подросток: включенность в сетевое взаимодействие и отношение к образованию // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2017. Т. 2. № 2. С. 99—113.
15. *Собкин В.С.* Современный подросток в социальных сетях // Педагогика. 2016. № 8. С. 61—72.
16. *Собкин В.С., Федотова А.В.* Подросток в социальных сетях: к вопросу о социально-психологическом самочувствии // Национальный психологический журнал. 2018. № 3 (31). С. 23—36.
17. *Собкин В.С., Федотова А.В.* Подросток в социальных сетях: риски и реакции // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2018. № 1. С. 47—56.
18. *Собкин В.С., Федотова А.В.* Подросток—неформал: принадлежность к группе и жизненные ориентации // Труды по социологии образования. Т. 13. Вып. 22 / Под ред. В.С. Собкина. М.: Институт социологии образования РАО, 2009. С. 84—101.
19. *Солдатова Г.У., Львова Е.Н.* Особенности родительской медиации в ситуациях столкновения подростков с онлайн-рисками // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23. № 3. С. 29—41.
20. *Солдатова Г.У.* Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 71—80. doi: 10.17759/sps.2018090308
21. *Солдатова Г.У., Шляпников В.Н., Журина М.А.* Эволюция онлайн-рисков: итоги пятилетней работы линии помощи «Дети Онлайн» // Консультативная психология и психотерапия. 2015. № 3. С. 50—66.
22. *Толстых А.В.* Подросток в неформальной группе. М.: Знание, 1991. 80 с.
23. *Эльконин Д.Б.* Избранные психологические труды / Под ред. В.В. Давыдова, В.П. Зинченко. М.: Педагогика, 1989. 560 с.
24. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. М.: Изд. группа «Прогресс», 1996. 344 с.
25. *Griezel L., Finger L.R., Bodkin-Andrews G.H., Craven R.G., Yeung A.S.* Uncovering the structure of gender and developmental differences in cyber bullying // The Journal of Educational Research. 2012. No. 105(6). P. 442—455. doi: 10.1080/00220671.2011.629692
26. *Kowalski R.M., Limber S.P.* Psychological, Physical, and Academic Correlates of Cyberbullying and Traditional Bullying // Journal of Adolescent Health. 2013. No. 53. P. 13—20.
27. *Raskauskas J., Stoltz A.D.* Involvement in Traditional and Electronic Bullying Among Adolescents // Developmental Psychology. 2007. Vol. 43. No. 3. P. 564—575.
28. *Smith P.K., Mahdavi J., Carvalho M., Fisher S., Russel S., Tippett N.* Cyber bullying: Its nature and impact in secondary school pupils // Journal of Child and Psychiatry. 2008. No. 49. P. 376—385.
29. *Sobkin V.S., Evstigneeva Iu.M.* The Adolescent: Virtual and Social Reality // Russian Education and Society. 2004. Vol. 46. No. 6. P. 6—100.
30. *Sobkin V.S., Evstigneeva Iu.M.* The Adolescent: Virtual and Social Reality // Russian Education and Society. 2004. Vol. 46. No. 7. P. 3—92.
31. *Walrave M., Heirman W.* Cyberbullying: Predicting victimization and perpetration // Children & Society. 2011. No. 25 (1). P. 59—72. doi: 10.1111/j.1099-0860.2009.00260.x
32. *Williams K., Cheung C.K.T., Choi W.* Cyberostracism: Effects of being ignored over the Internet // Journal of Personality and Social Psychology. 2000. No. 40. P. 303—311.

Adolescent Aggression in Social Media: Perception and Personal Experience

Sobkin V.S.*,

*Institute of Education Management of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia,
sobkin@mail.ru*

Fedotova A.V.**,

*Institute of Education Management of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia,
alexandrafedotova@rambler.ru*

The paper explores the relationship between adolescents' attitude towards aggressive behaviour in social media and their behavioural patterns. The analysis is based on the data of a survey carried out by the staff of the Centre of Sociology of Education (Institute of Education Management of the Russian Academy of Education). The survey involved 2074 students of 5th, 7th, 9th and 11th grades of schools of the Moscow Oblast. As it was revealed, the number of respondents who 'don't like' watching aggressive scenes decreases from 7th grade to 9th. Active users tend to 'like' watching such content. Those adolescents who consider their profiles as 'provocative', 'explicit' or 'unconventional', also enjoy watching aggressive scenes more as compared to 'ordinary' users. The adolescents who had experience of being 'aggressors' or 'victims' are more likely to accept aggression than those who were 'witnesses' ($p \leq 0,05$ for all comparisons). The data obtained in the research reveal the specifics of male and female subculture in social media; the space of online communication appears to be a special zone in which participants struggle for social status. The data allows us to identify the key factors of adolescents' attitude towards aggression in online communication: sex, age, intensity of communication, online self-presentation, classroom status, perception of one's own life prospects.

Keywords: social media, adolescence, risks, aggression, cyberbullying, social status, gender specifics, active use of social media, intensive use of social media, online self-presentation.

References

1. Belinskaya E.P. Informatsionnaya sotsializatsiya podrostkov: opyt pol'zovaniya sotsial'nymi setyami i psikhologicheskoe blagopoluchie [Elektronnyi resurs] [Informational socialization of adolescents: the experience of using social networks and psychological well-being]. *Psikhologicheskie issledovaniya [Psychological studies]*, 2013. Vol. 6, no. 30, p. 5. Available at <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/858-belinskaya30.html> (accessed: 02.04.2019).
2. Bozhovich L.I. Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste [*Personality and Its Formation in Childhood*]. Saint-Petersburg: Piter, 2008. 398 p.
3. Bochaver A.A., Khlomov K.D. Kiberbullying: travlya v prostranstve sovremennykh tekhnologii [Cyberbullying: Harassment in the Space of Modern Technologies]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]*, 2014. Vol. 11, no. 3, pp. 178—191.

For citation:

Sobkin V.S., Fedotova A.V. Adolescent Aggression in Social Media: Perception and Personal Experience. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2019. Vol. 24, no. 2, pp. 5—18. doi: 10.17759/pse.2019240201 (In Russ., abstr. in Engl.).

* Sobkin Vladimir Samuilovich, PhD in Psychology, Director of the Centre of Sociology of Education, Institute of Education Management of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia. E-mail: sobkin@mail.ru

** Fedotova Aleksandra Vladimirovna, Research Fellow, Centre of Sociology of Education, Institute of Education Management of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia. E-mail: alexandrafedotova@rambler.ru

4. Vinovaty igry i sotsseti: kak eksperty predlagayut borot'sya s agressiei posle tragedii v Kerchi [Games and social networks are to blame: how experts suggest to deal with aggression after Kerch tragedy] [Elektronny resurs]. *Ruposters*. Available at: <https://ruposters.ru/news/18-10-2018/eksperti-posle-tragedii-kerchi> (accessed: 02.04.2019).
5. Vygotskii L.S. Pedologiya podrostka [Paedology of the Adolescent]. In El'konin D.B. (ed.) *L.S. Vygotskii. Sobranie sochinenii v 6 t. T. 4. Detskaya psikhologiya [L.S. Vygotsky. Collected works: in 6 vol. Vol. 4. Child psychology]*. Moscow: Pedagogika, 1984, pp. 5—242.
6. Enikolopov S.N. V situatsii kiberbullinga vozrastnykh ogranichenii net [There are no age limits in cyberbullying]. *Deti v informatsionnom obshchestve [Children in the Information Society]*, 2014, no. 16, pp. 36—41.
7. Koroleva D.O. Ispol'zovanie sotsial'nykh setei v obrazovanii i sotsializatsii podrostka: analiticheskiy obzor empiricheskikh issledovaniy (mezhdunarodnyi opyt) [The Use of Social Networks in Education and Socialization of Adolescents: an Analytical Review of Empirical Studies (International Experience)]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 2015. Vol. 20, no. 1, pp. 28—37. doi: 10.17759/pse.2015200104. (In Russ., abstr. in Engl.).
8. Korolenko Ts.P., Dmitrieva N.V., Levina L.V. K voprosu o vliyaniy Interneta na suitsidal'noe povedenie [On the issue of the Internet's impact on suicidal behavior]. *Uchenye zapiski SPbGIPSR [The Scientific Notes of SPbGIPSR]*, 2014. Vol. 22, no. 2, pp. 103—107.
9. Martsinkovskaya T.D. Informatsionnoe prostranstvo kak faktor sotsializatsii sovremennykh podrostkov [Information Space as a Factor of Modern Teenagers' Socialization]. *Mir psikhologii [The World of Psychology]*, 2010, no. 3, pp. 90—102.
10. Mursalieva G. Gruppy smerti [Death groups]. *Novaya gazeta [New Paper]*, 2016, no. 51, pp. 2—5.
11. Parfent'ev U. Kiber-agressory [Cyber-aggressors]. *Deti v informatsionnom obshchestve [Children in the Information Society]*, 2009, no. 2, pp. 66—67.
12. Problemy tolerantnosti v podrostkovoii subkul'ture. [Problems of tolerance in teenage subculture]. In Sobkin V.S. (ed.) *Problemy tolerantnosti v podrostkovoii subkul'ture. Trudy po sotsiologii obrazovaniya. T. 8. Vyp. 13 [Problems of tolerance in teenage subculture. Works on the sociology of education. Vol. 8. No. 13.]*. Moscow: Publ. Institut sotsiologii obrazovaniya RAO, 2003. 391 p.
13. Sobkin V.S., Evstigneeva Yu.M. Podrostok: virtual'nost' i sotsial'naya real'nost'. Po materialam sotsiologicheskogo issledovaniya. Trudy po sotsiologii obrazovaniya. Tom 6. Vypusk 10. [Teenager: Virtual and social reality. Based on sociological survey. Works on the sociology of education. Vol. 6. No. 10.]. Moscow: Publ. Institut sotsiologii obrazovaniya RAO, 2001, 156 p.
14. Sobkin V.S. Podrostok: vkluchennost' v setevoye vzaimodeistvie i otnoshenie k obrazovaniiu [Teenager: involvement into virtual interaction and attitude to education]. *Kommunikatsii. Media. Dizain [Communications. Media. Design]*, 2017. Vol. 2, no. 2, pp. 99—113.
15. Sobkin V.S. Sovremenniy podrostok v sotsial'nykh setyakh [The modern teenager on social networks]. *Pedagogika [Pedagogics]*, 2016, no. 8, pp. 61—72.
16. Sobkin V.S., Fedotova A.V. Podrostok v sotsial'nykh setyakh: k voprosu o sotsial'no-psikhologicheskom samochuvstvii [Adolescent in social networks: on the issue of social psychological well-being]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal [National Psychological Journal]*, 2018, no. 3(31), pp. 23—36. doi: 10.11621/npj.2018.0303.
17. Sobkin V.S., Fedotova A.V. Podrostok v sotsial'nykh setyakh: riski i reaktzii [Teenager and social networking: risks and response]. *Voprosy psikhicheskogo zdorov'ya detei i podrostkov [Mental Health of Children and Adolescent]*, 2018, no. 1, pp. 47—56.
18. Sobkin V.S., Fedotova A.V. Podrostok-neformal: prindlezhnost' k gruppe i zhiznennye orientatsii [Teenager in subculture: group affiliation and life values]. In Sobkin V.S. (ed.) *Sotsiologiya obrazovaniya. Trudy po sotsiologii obrazovaniya. T. 13. Vyp. 22. [Sociology of education. Works on the sociology of education. Vol. 13. No. 22.]*. Moscow: Publ. Institut sotsiologii obrazovaniya RAO, 2009, pp. 84—101.
19. Soldatova G.U., Lvova E.N. Osobennosti roditel'skoi mediatsii v situatsiyakh stolknoveniya podrostkov s onlain-riskami [Adolescents Encountering Online Risks: Characteristics of Parental Mediation]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 2018. Vol. 23, no. 3, pp. 29—41. doi: 10.17759/pse.2018230303. (In Russ., abstr. in Engl.).
20. Soldatova G.U. Tsirovaya sotsializatsiya v kul'turno-istoricheskoi paradigme: izmenyayushchiysya rebenok v izmenyayushchemysya mire [Digital socialization in the cultural-historical paradigm: a changing child in a changing world]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2018. Vol. 9, no. 3, pp. 71—80. doi: 10.17759/sps.2018090308. (In Russ., abstr. in Engl.).
21. Soldatova G.U., Shlyapnikov V.N., Zhurina M.A. Evolyutsiya onlain-riskov: itogi pyatiletnei raboty linii pomoshchi «Deti Onlain» [The evolution of online-risks: the results of helpline "KIDS ONLINE" five years work]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 2015. Vol. 23, no. 3, pp. 50—66. doi: 10.17759/cpp.2015230304. (In Russ., abstr. in Engl.).
22. Tolstykh A.V. Podrostok v neformal'noi gruppe [Teenager in subculture group]. Moscow: Znanie, 1991. 80 p.
23. El'konin D.B. Izbrannye psikhologicheskie trudy [Selected psychological works]. Davydov V.V.,

- Zinchenko V.P. (eds.). Moscow: Pedagogika, 1989. 560 p.
24. Erikson E. Identichnost': yunost' i krizis [Identity: Youth and Crisis]. Tolstykh A.V. (ed.). Moscow: Izd. gruppy «Progress», 1996. 344 p. (In Russ).
25. Griezel L., Finger L.R., Bodkin-Andrews G.H., Craven R.G., Yeung A.S. Uncovering the structure of gender and developmental differences in cyber bullying. *The Journal of Educational Research*, 2012, no. 105(6), pp. 442-455. doi: 10.1080/00220671.2011.629692
26. Kowalski R.M., Limber S.P. Psychological, Physical, and Academic Correlates of Cyberbullying and Traditional Bullying. *Journal of Adolescent Health*, 2013, no. 53, pp. 13—20.
27. Raskauskas J., Stoltz A.D. Involvement in Traditional and Electronic Bullying Among Adolescents. *Developmental Psychology*, 2007. Vol. 43, no. 3, pp. 564—575.
28. Smith P.K., Mahdavi J., Carvalho M., Fisher S., Russel S., Tippett N. Cyber bullying: Its nature and impact in secondary school pupils. *Journal of Child and Psychiatry*, 2008, no. 49, pp. 376—385.
29. Sobkin V.S., Evstigneeva Iu.M. The Adolescent: Virtual and Social Reality. *Russian Education and Society*, 2004. Vol. 46, no. 6, pp. 6—100.
30. Sobkin. V.S., Evstigneeva Iu.M. The Adolescent: Virtual and Social Reality. *Russian Education and Society*, 2004. Vol. 46, no. 7, pp. 3—92.
31. Walrave M., Heirman W. Cyberbullying: Predicting victimization and perpetration. *Children & Society*, 2011, no. 25(1), pp. 59—72. doi: 10.1111/j.1099-0860.2009.00260.x
32. Williams K., Cheung C.K.T., Choi W. Cyberostracism: Effects of being ignored over the Internet. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2000, no. 40, pp. 303—311.